

Глава 37. Души тянутся друг к другу

Сам не зная почему, Цзян Тан почувствовал себя оскорблённым.

Крепенькая маленькая белая собачка с трудом опустила голову и посмотрела на своё мягкое пузико.

Н-ну... не так уж он и растолстел, правда ведь? У-у-у... Собачка чуть не расплакалась. Он же и правда ел совсем чуть-чуть. В долине Тяньбэй он каждый день грыз красные плоды, так что во рту уже вкуса не осталось. А теперь наконец выбрался в человеческий мир, где столько вкусного. Разве плохо захотеть попробовать всё по очереди?

Разве не естественно есть мясо с соком? Разве не нормально после жирного съесть фрукт, чтобы перебить вкус? Он... он просто не очень любит двигаться, вот и всё. Он правда не так уж много ест!

Цзян Тан, прошедший путь от «просто пушистый» до «основательно упитанный», погрузился в печаль. Даже цинлинго во рту перестал казаться вкусным.

Худеть! С сегодняшнего дня — худеть! Он вырвется из объятий босса Фу и будет каждый день ходить сам!

И тут снова сунулся неугомонный Е Чжэнвэнь:

— А... значит, просто потолстел. А я-то думал...

И, будто ему ещё не хватило, добавил новый нож в спину:

— Но потолстел-то прямо очень заметно...

— Иу-у-у! — сочная белая собачка задёргалась, пытаясь расцарапать Е Чжэнвэню лицо. На этот раз её атака наконец попала в цель: мягкая лапка шлёпнула его по щеке. Унижение было налицо, урон — почти нулевой.

А потом Е Чжэнвэнь ещё и схватил эту лапку, сжал, помял, ещё помял и вынес вердикт:

— Брат Линь, посмотри, у Сяо Бая даже лапы уже заметно потолстели.

Тут из-за спины Е Чжэнвэня высунулась ещё одна невоспитанная морда — номер два.

Серебристый тигр прекрасно понял, как Цзян Тан только что обругал Е Чжэнвэня, и теперь,

явно растерявшись, полез утешать:

— Комочек, комочек, не расстраивайся. Я тебя так люблю. Даже если ты растолстеешь ещё сильнее, я всё равно смогу воровать еду у хозяина и прокормить тебя!

— ...

Снаружи Цзян Тан скрежетал зубами, а внутри сыпал руганью. Он снова вlepил этому тупому тигру лапой.

— Ау-у~ — толстокожий тигр пришёл в восторг. — Вкусно пахнешь, так приятно! Комочек, давай ещё разок!

Да что это за бесстыжий тигр такой вообще существует?!

Хмф. Цзян Тан больше не хотел иметь с ними ничего общего. Он развернулся к ним задом и уткнул голову в объятия босса Фу.

Одним всё, другим ничего. Почему у босса Фу такая идеальная фигура? Он вообще чем-нибудь занимается? Почему ему всё время кажется, что перемещаются они примерно одинаково, но у босса грудь по-прежнему такая приятная на ощупь, а сам он отрастил на себе целую прослойку жира? У-у-у...

Собачка, набитая дурными мыслями, со слезами в душе исподтишка полапала босса Фу и потёрлась головой о его крепкую грудь.

Как же хорошо. Каждый день сидеть у босса за пазухой — это же просто рай. И каждый день безнаказанно его лапать — тоже огромное счастье!

Е Чжэнвэнь хотел было пригласить Шэн Исюэ и Сун Цзиньяо остановиться у него, но Сун Цзиньяо вежливо отказался. Шэн Исюэ не могла оставить Сун Цзиньяо одного, так что ушла вместе с ним искать, где поселиться.

На этом вся компания и распалась.

Вернувшись в трактир, Цзян Тан снова оказался на кровати, а Фу Линцзюнь опять занялся чем-то непонятным.

Сначала Цзян Тан увидел, как Фу Линцзюнь, сложив печать, вызвал водяное зеркало. На нём по очереди мелькали Е Чжэнвэнь, Шэн Исюэ, Хуай Чэнъинь и Ци Цунъюй. Кажется, Цзян Тан начал понемногу понимать, как это работает: босс Фу не может по своей воле в любой момент открыть водяное зеркало на любого человека.

Например, раньше он мог смотреть глазами Сун Яня — видимо, потому, что проделал с ним что-то заранее, а заодно уже видел и Шэн Исюэ, и Сун Цзиньяо, который тогда был рядом.

С Е Чжэнвэнем и объяснять нечего: они всё время трутся вместе. А теперь прибавились Хуай Чэнъинь и Ци Цунъюй. Похоже, сегодняшняя встреча тоже изначально входила в план Фу Линцзюня, так что во время той уличной заварушки ему было легко оставить на них метку.

Тц. Вот уж кто правда с полной самоотдачей проходит линию злодея.

Цзян Тан, который всё так же только плыл по сюжету, перевернулся на кровати и устроился поудобнее, чтобы продолжать наблюдать за водяным зеркалом.

У Хуай Чэнъиня смотреть было особенно не на что. Праведный мальчишка вёл себя до скуки пристойно: просто ходил по улице и скупал всё подряд, но сплошь то, что любят дети — погремушки, фонарики, кузнечиков, сплетённых из травы, и всякое такое. В конце купил себе ещё и засахаренный боярышник на палочке и шёл, грызя его, с круглыми, как абрикосы, блестящими глазами. На всё смотрел с любопытством — прямо воплощение современного молодого человека на прогулке по торговой улице.

А вот у Ци Цунъюя было уже куда интереснее.

Во-первых, тот юноша в простой одежде, который сегодня его прикрывал, тоже носил фамилию Ци. Звали его Ци Е.

Цзян Тан вспомнил, что это имя слышит уже не впервые.

В первый раз — в чайной, когда босс Фу после тысячелетнего отсутствия снова «подключался к сети» и собирал сведения. Тогда кто-то перечислял сильнейших участников нынешней Битвы Небесных Дарований и среди них мельком упомянул некоего Ци Е — тоже младшего из дома даосского святого Ци Юаньлана в области Лошу. Но Ци Юаньлан ценил только Ци Цунъюя, поэтому имя Ци Е бросили вскользь и тут же забыли.

Во второй раз — когда Е Чжэнвэнь в башне Цяньцяо жаловался, что у Ци Е есть только имя, без почётногo прозвища, и потому его всё время называют полным именем, что как-то не слишком вежливо.

А теперь Ци Е стоял на коленях перед Ци Цунъюем, опустив голову.

— Если бы мне не стало тебя жалко, думаешь, я бы вообще выбрал тебя в этот раз? — Ци Цунъюй с откровенным презрением посмотрел на юношу, совершенно лишённого, по его мнению, достоинства, и цокнул языком. — У тебя тот дядя что, уже при смерти? Когда ты пришёл ко мне просить, ты ведь хотел получить награду за Битву Небесных Дарований, чтобы продлить ему жизнь, да?

Стоявший на коленях Ци Е держал спину ровно, а голос — почтительно-ровным:

— Да. Благодарю молодого господина за то, что позволили мне участвовать в Битве Небесных Дарований. Я непременно помогу вам взять первое место среди Небесных Дарований.

— Угу, мы ведь об этом уже договаривались, — Ци Цуньюй тихо фыркнул, уселся обратно в кресло и кивком указал на чашку перед собой. — Лишние очки потом отдам тебе. Мест ведь всего пять. Убьёшь побольше демонических зверей — после того, как отдашь мои, оставшихся должно хватить хотя бы на пятое место.

Ци Е тут же ловко поднялся, налил Ци Цуньюю чаю и почтительно отступил на шаг, встав в стороне, как слуга.

Глядя на происходящее в зеркале, Цзян Тан только злился.

Что именно Ци Цуньюй держал против Ци Е, он не знал, но, как ни посмотри, Ци Е выглядел куда более достойным человеком. И всё же перед тем ему приходилось пресмыкаться: он столько времени простоял на коленях, колени были в пыли, а он даже не отряхнулся, продолжая стоять рядом с почтением, хуже любого прислужника.

Хотя Цзян Тан чётко помнил, что и Ци Е, и Ци Цуньюй были младшими из области Лошу. Так почему разница в обращении между ними была просто небом и землёй?

Но, в конце концов, это было не его дело. Посмотрев ещё немного, Цзян Тан утратил интерес и принялся вылизываться.

Ничего не поделаешь: слишком долго поживёшь зверем — и уже не можешь сдержать это неудержимое желание всё лизать, лизать и лизать.

Когда он наконец закончил вылизывать шерсть, водяное зеркало со стола исчезло. На его месте оказался старинный курительный сосуд.

Среди вьющихся струек дыма Цзян Тан уловил очень странный запах.

Неприятным он не был.

Но вот то, чем сейчас занимался Фу Линцзюнь, выглядело крайне сомнительно.

Если раньше подглядывать через водяное зеркало и любоваться чужими мучениями было всего лишь слегка извращённо, то теперь, когда Фу Линцзюнь кровью чертил в воздухе один символ за другим, это уже тянуло на чистое, десятибалльное безумие. Вид у него был такой, что никаких добрых дел тут точно ждать не приходилось.

Каждый кровавый символ, едва законченный, исчезал. Но Цзян Тан понимал: на самом деле они не исчезали, а отправлялись туда, куда должны были — скорее всего, к тем самым четырём младшим, которых он только что видел в водяном зеркале.

Сначала Цзян Тан ещё переживал: не слишком ли уж расточительно Фу Линцзюнь выпускает из себя столько крови? Раны у босса заживали с трудом, ел он плохо, и как тут вообще восполнять такую потерю?

Но очень скоро его мысли начали вязнуть и тупеть. Зверя потянуло в сон.

Он ещё пытался держаться и смотреть, как Фу Линцзюнь выводит символы, но сонливость хлынула, как прилив. Мягкая белая собачка расползлась на кровати лепёшкой, сознание стало лёгким-лёгким, словно он сам превратился в комок ваты, шагающий по облакам. Один кувырок — и облако с ватой смешались.

М-м... почему его так клонит?

Распластавшись на кровати в очень удобной позе, маленькая белая собачка уже почти засыпала, когда нечто потянуло её ускользящие мысли прочь. Глаза у него были закрыты, но он всё равно «видел».

Будто во сне.

Где находился этот мир сна, было непонятно. Едва сменяющиеся картины остановились, как он услышал несколько пронзительных птичьих криков. Птица, издававшая их, сидела высоко на ветке. Цзян Тан с усилием поднял взгляд и увидел очень странную птицу.

Гигантскую птицу с тремя глазами.

Клюв, похожий на орлиный, — острый, крючковатый — был чуть приоткрыт, а три глаза зловеще смотрели на появившегося в ночи человека. Вид у неё был откровенно агрессивный.

Проследив за направлением её взгляда, Цзян Тан вдруг понял, что человек в этом сне ему знаком. Присмотрелся — и правда, да это же Е Чжэнвэнь?

Э? Говорят же: о чём думаешь днём, то и снится. Но с чего бы ему видеть во сне Е Чжэнвэня? Он что, думал о нём днём? Да вроде нет.

Или желание расцарапать ему лицо тоже считается? Он же просто хотел, чтобы этот болван Е Чжэнвэнь поменьше вонзал ему ножи в сердце. Даже если уж и снится чему-то, то это должен быть сон, где он с остервенением дерёт Е Чжэнвэню лицо, а не это мрачное, мутное и явно недоброе зрелище.

Е Чжэнвэнь во сне, похоже, что-то делал в одиночку, то вздрагивал, то оглядывался, будто и правда разговаривал с кем-то, кто стоял перед ним. Он то тянулся вперёд, то кого-то хватал, а потом вдруг поскользнулся и сел на землю, при этом продолжая хватать воздух перед собой.

Но Цзян Тан никого, кроме него, не видел. Только Е Чжэнвэнь, разыгрывающий пантомиму перед пустотой.

Очень жутко.

Цзян Тан какое-то время украдкой наблюдал за ним на расстоянии. И чем дольше смотрел, тем сильнее странным ему начинал казаться не Е Чжэнвэнь, а сам этот сон.

Эта странность шла от реальности.

Он прекрасно знал, что спит. Но ветер, налетавший в лицо, был влажным, ночным. Роса, которой он тёрся, пробираясь сквозь длинные листья травы, шуршание стеблей, земля под лапами — всё ощущалось по-настоящему. Хотел оттереть грязь, а только пачкался ещё сильнее...

Этот сон был настолько настоящим, что Цзян Тану стало не по себе.

Он словно не спал, а провалился в параллельный мир. Кто-то создал почти неотличимую от реальности грёзу и затащил его внутрь.

Или, точнее, затащил сюда Е Чжэнвэня.

А Цзян Тан в этом тщательно выстроенном сне был случайной помехой. Всё вокруг неспешно текло по намеченной траектории — всё, кроме него.

В этом сне он был свободен.

Или, скорее, уязвим.

Пока Цзян Тан лихорадочно соображал, фигура Е Чжэнвэня впереди уходила всё дальше и дальше. И сам не понимая почему, он вдруг испугался. Короткие лапки застучали по земле, и он бросился следом. Но при нынешнем размере, сколько ни беги, угнаться за человеком впереди он не мог.

— Иу-у-у!

Эй, болван Е, подожди его!

Этот сон был настолько реальным, что даже ощущения оставались теми же самыми.

Маленькая белая собачка, которая после набранного веса задыхалась уже через несколько рывков, неслась вперёд, тяжело сопя. Но в тот самый миг, когда он почти догнал человека, граница мира впереди вдруг начала расплываться, а фигура Е Чжэнвэня самым наглым образом растворилась прямо в мутной кромке. Осталась только круглая собачья голова, вынырнувшая из травы.

Цзян Тан: ???

А человек где? Куда делся?

Цзян Тан, которого внезапное исчезновение Е Чжэнвэня напугало, с опаской подбежал к серой размытой границе мира и протянул лапу, чтобы её потрогать.

Ничего. Совсем ничего.

Он явно ничего не касался, но и пройти сквозь неё не мог.

Цзян Тан занервничал. Отступил на несколько шагов и со всего разгона врезался в эту размытую кромку. В ту же секунду его отбросило назад. После вихря в голове он с громким шлёпком рухнул в траву и, прокатившись несколько раз, наконец остановился.

— Иу-у-у...

Больно.

И ещё из-за того, что он потолстел и уже не был таким лёгким, как раньше, удар о землю вышел заметно болезненнее.

Собачке было обидно.

Но на боль у него не было времени. Потому что, пока он падал, сверчок, который до этого прятался в траве, вдруг ни с того ни с сего подскочил и врезался ему прямо в лоб. Не больно, но с совершенно явной агрессией.

— Иу-у-у. — Цзян Тан попытался пообщаться со сверчком как благой зверь.

Но этот мир всё-таки не был настоящим. У сверчка просто не загрузили язык. Сумасшедшая тварь принялась атаковать его снова и снова — то в лоб, то в бедро. Отскочит и тут же возвращается обратно, без конца.

Да что ему надо-то? Даже если не больно, когда тебя постоянно атакуют, это всё равно раздражает до ужаса.

Цзян Тан поджал хвост и приготовился удирать, но из травы, куда он наступил, вспорхнул ещё один сверчок. Теперь их стало двое, и они били его с двух сторон. То ли ему уже чудилось от нервов, то ли удары и правда становились сильнее, но Цзян Тану показалось, что начинает быть больно. Так что он помчался ещё быстрее, только бы вырваться из этой странной травы.

Но в этом мире странными были не только сверчки в траве.

Та трёхглазая гигантская птица, которую он заметил ещё в самом начале, всё это время сидела высоко на ветке и не двигалась. Но стоило Цзян Тану пробежать мимо дерева, спасаясь от сверчков, как все три её глаза разом провернулись.

А потом птица расправила крылья, пронзительно заорала, несколько раз ударила крыльями по воздуху и взмыла в небо.

Лунный свет был бледен, как кость, а когда птица пронеслась по нему, на остром крючковатом клюве мелькнул холодный отблеск.

— Иу-у-у... — Цзян Тан вылетел из травы, а следом за ним неслись уже четыре сверчка, одна жаба и ещё какая-то мелкая мошкара, названия которой он не знал. Он и сам не понимал, кому успел насолить: все эти мелкие твари просто упорно мчались за ним. Стоило ему остановиться, и они тут же налетали. Сами по себе они были не очень болезненными, просто размером маленькие.

Но даже если боль небольшая, когда их так много, это уже невозможно вынести!

Терпение у него лопнуло. Он бросился бежать, уворачиваясь от атак сзади, и решил найти какое-нибудь укрытие, спрятаться там и спокойно подумать, как выбраться из этого дурацкого сна.

Но сверху всё ближе слышался тяжёлый шум крыльев гигантской птицы.

До этого Цзян Тан сосредоточился только на мерзких сверчках и жабе. Услышав хлопанье крыльев, он с опозданием обернулся — и увидел, что все три глаза птицы уже налились кровавым светом. Раскрыв острый клюв, она пикировала прямо на него!

Лежащий на большой постели в трактире пушистый комочек едва заметно вздрогнул.

Фу Линцзюнь очнулся от долгого молчания, погасил курящуюся палочку и убрал курильницу обратно в жемчужину Нахай.

Обернувшись, он увидел уже спящий пушистый комочек.

Он надавил пальцами на переносицу.

Управление чужим сном само по себе пожирало душевные силы, а его повреждённая душа снова пронзительно заболела, до такой степени, что ему захотелось кого-нибудь убить.

Сняв с комнаты барьер, Фу Линцзюнь направился к кровати.

Плотно закрытое окно медленно распахнулось, и половину комнаты залил лунный свет, текучий, как вода.

— Почему ты сегодня так рано уснул? — он протянул руку и крючком поддел мягкий пушистый подбородок Сяо Бая. За последнее время тот заметно округлился, и трогать его стало ещё приятнее, чем прежде.

Стоило Фу Линцзюню приблизиться к этому пушистому комочку, как боль в душе сразу слабела. Он сел на край кровати, поднял круглое тельце и уложил его себе на колени, тихонько поглаживая великолепную на ощупь шерсть.

В такие минуты Фу Линцзюню казалось, будто он возвращается в один далёкий, спокойный полдень из глубин памяти.

Тогда он сидел и покачивал погремушку в руке, уговаривая младенца, который плакал в кроватке. У малышей чувства приходят и уходят быстро: стоило ему просто немного посидеть рядом и поговорить, как плач сразу затихал.

Из-за двери доносился мягкий женский голос. Спустя немного времени женщина подходила к нему, наклонялась, тыкала в руку и протягивала бумажный свёрток со сладкой лепёшкой.

Наверное, сейчас на душе у него было примерно так же, как тогда, когда он сидел у детской кроватки и ел сладкую лепёшку.

Фу Линцзюнь закрыл глаза, и перед ним, что редкость, возникла не кровавая буря и не груды тел, а цветущее поле. На нём стоял маленький навес из травы, а внутри, свернувшись, лежал мягкий зверёк, похожий на облачко.

Нежный сладковатый аромат осторожно коснулся его души и понемногу окутал её целиком.

— Тан-Тан, — во второй раз позвал он этим именем.

Случайно вторгшаяся в его жизнь навязчивая мягкость была словно сахар.

Он ведь когда-то ел сахар.

Вот потому и чувствовал, что это ещё слаще.

Лицо его, уже без всякой маскировки, казалось особенно бледным. Он опустил голову, и чёрные волосы скользнули по плечам, скрыв мелькнувшую в глазах слабость.

Фу Линцзюнь вернул маленькой белой собачке её изначальный облик.

Наверное, из-за того, что он потолстел, после возвращения к подлинному виду пушистый комочек тоже стал заметно больше. Длинные уши мягко лежали на круглой мордочке, а большой хвост, который обычно даже во сне то и дело бил его по руке, сегодня был недвижим.

— Так крепко спишь?.. — Фу Линцзюнь поднял комочек повыше и помял его облачно-пышный хвост.

Маленький зверёк по-прежнему не шевелился.

Только тут Фу Линцзюнь ощутил неладное.

Обычно во сне тот был самым беспокойным существом на свете: спал-спал, а потом вдруг растягивался у него на руках кверху лапами и ещё слюни пускал. Но сегодня почему-то лежал необыкновенно смиренно, неподвижно.

А потом Фу Линцзюнь уловил на пушистом комочке едва заметный, очень слабый аромат.

Это было благовоние, притягивающее души.

Фу Линцзюнь наклонился и втянул воздух ещё раз, а затем зрачки у него резко сузились:

— Плохо!

Благовоние, притягивающее души, всегда действовало только на человеческие души, поэтому раньше он и не мешал пушистому комочку контактировать с Е Чжэнвэнем. Но всё происходящее сейчас ясно говорило Фу Линцзюню: этот чудесный маленький зверёк тоже попал под влияние благовония и уже провалился в созданный им сон.

Если он не просто заснул, тогда после того, как он и Е Чжэнвэнь покинули тот сон, он начнёт постепенно рушиться, и всё живое внутри потеряет рассудок, бросаясь на любого незваного

гостя, застрявшего в нём, вплоть до последней секунды перед полным распадом сна.

На мгновение у Фу Линцзюня опустела голова. А потом даже ладони, которыми он держал пушистый комочек, покрылись потом.

Если его убьют обитатели того сна, то с такой слабой душой он, скорее всего, уже никогда не проснётся.

Фу Линцзюнь тут же быстрым шагом перенёс комочек к столу, двери и окна сами собой захлопнулись. Уже погасшую палочку снова зажгло, тонкий белый дымок поднялся вверх, принося с собой тихий чистый аромат, и Фу Линцзюнь опустил голову, прижавшись лбом к мягкому лбу зверька.

В следующий миг он целиком провалился в сон.

А Цзян Тан в это время уже был до смерти перепуган разбушевавшимся кошмаром!

Сначала на него набрасывались только сверчки и мелкие насекомые. Потом, неизвестно с чего, взбесилась и трёхглазая гигантская птица: растопырив острые когти, она пошла в отвесное пике.

— Иу-у-у! — сердце Цзян Тана от ужаса пару раз будто пропустило удар.

На мгновение он оцепенел, глядя, как несётся на него эта уродливая птица. Её когти были такими острыми, что хватило бы одного лёгкого рывка — и кости с мясом у него рассыпались бы в пыль.

Цзян Тан тут же сорвался с места и побежал!

Пусть белая собачка и растолстела, размерами она всё ещё была невелика, так что он специально понёсся туда, где полынь росла погуще, лишь бы скрыться в зарослях. Плевать было, преследуют его там всякие мелкие твари или нет. Он сломя голову мчался к каменной стене впереди.

Он успел заметить её ещё раньше, когда шёл следом за Е Чжэнвэнем: в скале было полно маленьких выбоин, щелей и отверстий. Пусть он и потолстел, но всё ещё оставался небольшим. Если удастся забиться внутрь, та гигантская птица не сможет туда пролезть и схватить его!

Идея оказалась хорошей, и сработала она тоже отлично. Едва маленькая белая собачка юркнула в маленькую пещерку в скале, она действительно на краткий миг оказалась в безопасности.

Но Цзян Тан никак не ожидал, что ненависть этой птицы к нему так и не уляжется. Хотя он спрятался, птица с упрямством безумца продолжала тараном биться о скалу: когтями, острым клювом, всем своим огромным телом. Цзян Тану уже казалось, что камень вокруг вот-вот треснет и рассыплется, а он окажется перед птицей совсем открытым.

— Иу-у-у... — Цзян Тан сжался и попятился ещё дальше.

Нора была слишком маленькой и слишком неглубокой. То, что в неё вообще удалось залезть и не быть немедленно растерзанным птицей, уже само по себе было чудом. Дальше прохода не было, отступить некуда, и Цзян Тану хотелось заплакать от страха.

С самого попадания в этот мир, если не считать той первой погони со стороны учеников Цзяна, всё остальное время он почти без перерыва висел у босса Фу на руках, спал и ел, ел и спал, а сюжет проходил мимо него словно в тумане. И теперь, когда действительно случилась беда, в голове у него был только Фу Линцзюнь.

— Иу-иу-у...

Босс, скорее спаси его, у-у-у... Куда он вообще попал? Почему здесь так страшно? Если он умрёт в этом дурацком месте, сможет ли вообще потом проснуться?

На грани жизни и смерти Цзян Тан успел подумать о многом, но почти все его мысли в итоге снова и снова упирались в бледное, прекрасное и демонически красивое лицо Фу Линцзюня.

Он и сам не заметил, как настолько стал от него зависеть.

Ему до ужаса хотелось вернуться в объятия босса: тереться, целоваться, липнуть к нему, позволять носить себя повсюду, есть и пить при нём, плыть по сюжету рядом с ним... Даже если босс снова захочет мять его как тесто, хоть скатывать, хоть расплющивать, он и на это согласен — только бы вернуться. У-у-у...

От горя и страха глаза маленькой собачки наполнились слезами, и она, сжавшись в комочек, дрожала всем телом.

Острый крючковатый клюв гигантской птицы снова врезался в камень перед Цзян Таном, и отлетевшие осколки ударили его по голове.

В ушах стояли яростные крики птицы и непрерывный грохот разрушающейся скалы. Постепенно, ожидая смерти, Цзян Тан начал ломаться. Ему уже мерещился смрад из пасти чудовища, уже чудилось, как острые когти вонзаются в тело, вспарывают брюхо и разрывают его на части.

И вдруг где-то рядом стремительно пронёсся ледяной поток воздуха. С ветром, среди

взметнувшихся в небо травинок, появился высокий силуэт.

Чёрная одежда, чёрные волосы, распущенные по плечам.

Он вышел в бледном лунном свете прямо перед глазами Цзян Тана. И эти живописно изогнутые брови, и тёмные, как тушь, глубокие глаза были прекрасны именно той красотой, которая приносила ему покой. Сжавшаяся от страха маленькая белая собачка дрожащими лапами приподнялась, и из горла у неё вырвалось жалобное:

— Иу...

«Почему ты пришёл так поздно?» — хотел сказать Цзян Тан.

Он подумал, что будь он сейчас человеком, то наверняка бросился бы Фу Линцзюню на шею и как следует разрыдался. Но сейчас он был просто упитанной маленькой белой собачкой, а плакать собачкой, наверное, выходит не очень красиво.

В тёмной комнате в области Цянькунь, где окна и двери были плотно закрыты, человек и зверёк с прижатыми друг к другу лбами постепенно начали меняться.

Вместо белого пушистого комочка появился юноша с демонически длинными волосами. Его гладкий лоб всё так же упирался в лоб Фу Линцзюня.

И от страха эти обнажённые руки крепко обняли стоящего перед ним человека.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: сидеть спокойно, когда тебя так обнимают, очень трудно.

<http://bllate.org/book/17032/1638325>